реформ Петра I. На смену представлениям о греховной природе человека, свойственным официальной культуре допетровской Руси, на смену искусству, направлявшему интересы человека к соблюдению чистоты христианской веры, приходило искусство, основанное на представлениях о человеке как частице иерархически упорядоченного монархического государства.

Другой важнейшей особенностью культурно-идеологической жизни России XVIII в., также объясняемой в свете петровских преобразований, стало углубление связей с интеллектуальной и художественной жизнью европейских стран. Возросший авторитет русского государства на европейской политической арене диктовал необходимость формирования культуры такого типа, который бы отвечал новому уровню общественного самосознания. Известным ориентиром в этом процессе для Петра I были те достижения, с которыми молодой монарх мог познакомиться во время своего путешествия в Европу. Заданное заветами Петра восприятие традиций европейского искусства должно было способствовать обновлению русской светской культуры. И решение этой задачи в сочетании с развитием собственных культурных традиций прошлого также составило содержание поисков русской художественной мысли XVIII в.

Ускоренный характер восприятия в России передовых философско-идеологических концепций помогает понять их сложное взаимодействие в процессе формирования мировоззренческой основы русской эстетической мысли XVIII в.

Так, например, дух нормативности и рационализма, питавшийся внесенной реформами Петра I атмосферой всеобщей регламентации и регулярности в подходе к вопросам строительства новой государственности, прекрасно сочетался в трудах русских авторов с усвоением сенсуалистских идей. Популярность сенсуализма с его провозглашением могущества чувственного опыта и непризнанием врожденных идей, с его упованием на преобразующую силу воспитания сохранялась в России почти на всем протяжении XVIII в. Теоретическое осмысление вопросов искусства у таких представителей классицистической эстетики, как А. П. Сумароков или Г. Н. Теплов, демонстрирует единство рационалистических и сенсуалистских идей. Не чуждо оно было и Ломоносову, целиком разделявшему представление о превалирующей роли эмоционального фактора в процессе восприятия произведений искусства красноречия и видевшему в соединении разума с чувством основу полноты эстетического переживания: «Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, и страсти не могут от них возгореться; и для того с высокого седалища разум к чувствам свести должно и с ним соединить, чтобы он в страсти воспламенился»,[1] — писал Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» (1748).

---

[1] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 7, с. 169—170.